

Лея Вестова

РАЗВОД

закалённая сталь

18+

Лея Вестова

Развод. Закаленная сталью

«Автор»

2025

Вестова Л.

Развод. Закаленная сталью / Л. Вестова — «Автор», 2025

— Володя... я попала в аварию.— Света, ты представляешь, во сколько мне эта встреча обошлась? — раздраженный голос мужа прорезал больничную тишину. — Я же говорил, что сегодня занят!— Володя, — перебила я, сжимая трубку больничного телефона так, что побелели костяшки, — я в больнице. Была авария. Серьезная.— Что значит «серьезная»?— Трещина позвоночника. Врач говорит... есть риск осложнений. Мне нужна операция, и я...— Господи, Света! — вырвалось у него, и я на мгновение подумала, что он, наконец, понял. Но следующие слова разбили эту надежду вдребезги. — А когда операция? У меня завтра презентация нового проекта, не могу же я теперь всё бросить и...— Завтра утром, — прошептала я. — В восемь.— Ну, хорошо, — он вздохнул, и я слышала, как он листает что-то, — Я постараюсь освободиться. Но эта ситуация совсем некстати.Некстати. Моя возможная инвалидность была для него некстати.

Содержание

Глава 2+	8
Глава 3+	12
Глава 4+	16
Глава 5+	19
Глава 6+	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Лея Вестова

Развод. Закаленная сталью

Развод. Закаленная сталью

– Володя... я попала в аварию.

– Света, ты представляешь, во сколько мне эта встреча обошлась? – раздраженный голос мужа прорезал больничную тишину. – Я же говорил, что сегодня занят!

– Володя, – перебила я, сжимая трубку больничного телефона так, что побелели костяшки, – я в больнице. Была авария. Серьезная.

– Что значит «серьезная»?

– Трещина позвоночника. Врач говорит... есть риск осложнений. Мне нужна операция, и я...

– Господи, Света! – вырвалось у него, и я на мгновение подумала, что он, наконец, понял. Но следующие слова разбили эту надежду вдребезги. – А когда операция? У меня завтра презентация нового проекта, не могу же я теперь всё бросить и...

– Завтра утром, – прошептала я. – В восемь.

– Ну, хорошо, – он вздохнул, и я слышала, как он листает что-то, – Я постараюсь освободиться. Но эта ситуация совсем некстати.

Некстати. Моя возможная инвалидность была для него некстати.

Глава 1+

– Володя... я попала в аварию.

– Света, ты представляешь, во сколько мне эта встреча обошлась? – раздраженный голос мужа прорезал больничную тишину. – Я же говорил, что сегодня занят! Мне пришлось выйти посреди переговоров с японцами, они теперь думают...

– Володя, – перебила я, сжимая трубку больничного телефона так крепко, что побелели костяшки, – я в больнице. Была авария. Серьезная.

Молчание. Короткое, словно он переваривал информацию, подбирая нужную интонацию.

– Что значит «серьезная»? – теперь в его голосе появилась настороженность, но не та паника, которую я ожидала услышать. Скорее раздражение человека, которому сообщили о срыве важного мероприятия.

Я закрыла глаза, чувствуя, как по венам разливается что-то холодное и липкое. За окном палаты моросил ноябрьский дождь, и капли стекали по стеклу, как слезы.

– Трещина позвоночника. Врач говорит... есть риск осложнений. Мне нужна операция, и я...

– Господи, Света! – вырвалось у него, и я на мгновение подумала, что он, наконец, понял. Но следующие слова разбили эту надежду вдребезги. – А когда операция? У меня завтра презентация нового проекта, я готовился полгода. Не могу же я теперь всё бросить и...

Слова застряли у меня в горле. Я смотрела на белый потолок с желтоватыми разводами от протечки и пыталась понять, действительно ли мой муж, человек, с которым я прожила столько лет, сейчас жалуется на неудобство моей травмы.

– Завтра утром, – прошептала я. – В восемь.

– Ну, хорошо, – он вздохнул, и я слышала, как он листает что-то – наверное, ежедневник с расписанием. – Я постараюсь освободиться. Но эта ситуация совсем некстати, понимаешь? Как раз, когда дела идут в гору...

Некстати. Моя возможная инвалидность была для него некстати.

– Понимаю, – ответила я тихо, и в этом слове была вся горечь мира.

– Ладно, поговорим позже. Мне нужно вернуться к переговорам. Береги себя.

Гудки короткие. Обрывистые. Как приговор.

Я медленно положила трубку на рычаг и уставилась в потолок. Где-то в коридоре скрипели каталки, торопливо стучали каблуки медсестер, звучали приглушенные голоса. Жизнь продолжалась, а я лежала здесь, на больничной койке, и пыталась понять, когда мой мир начал рушиться.

Может быть, сегодня утром, когда Володя, не поднимая глаз от телефона, буркнул: «Не забудь заехать в химчистку за моими костюмами»? Или неделю назад, когда он пришел домой в час ночи с запахом незнакомых духов и равнодушно соврал про деловую встречу? А может, еще раньше – когда он перестал целовать меня на ночь, отговариваясь усталостью?

Я потянулась за телефоном, чтобы набрать номер Ольги. Дочь. Моя девочка, которая сейчас за тысячу километров отсюда грызет гранит архитектурной науки в Питере. Она должна знать.

– Мам? – голос Ольги был сонным.

– Оль, – у меня дрогнул голос, и я прикусила губу, чтобы не расплакаться. – Я попала в аварию. Я в больнице.

– Что?! – теперь никакой сонливости. – Мам, что случилось? Где? Как?

И вот она – настоящая реакция человека, которому дорог другой человек. Паника, страх, готовность бросить все и мчаться на помощь.

– Я была на Садовом кольце, возвращалась с работы. Машина передо мной резко затормозила, а сзади... – я не могла договорить. Воспоминания о визге тормозов, ударе, звоне разбитого стекла и внезапной тишине, что накрыла меня волной.

– Боже мой, мам! Ты как? Что с тобой?

– Позвоночник. Врачи говорят... – я сглотнула. – Завтра операция. Есть риск...

– Я еду! – отрезала Ольга. – Сейчас же! Первым поездом. Мам, держись, я скоро буду!

Слезы хлынули сами собой. Вот оно – то, чего я ждала от Володи. Безусловная любовь, готовность бросить все ради близкого человека.

– Оленька, не надо, у тебя же сессия...

– К черту сессию! – она почти кричала в трубку. – Ты моя мама! Я не оставлю тебя одну!

После разговора с дочерью я долго лежала в тишине, слушая, как за стеной кто-то всхлипывает – наверное, такая же несчастная, как я. Но почему-то от Олиных слов на сердце стало теплее. Значит, не все потеряно. Значит, есть еще люди, для которых я что-то значу.

А потом, когда за окном совсем стемнело, а в палате включили ночное освещение, ко мне вернулись воспоминания о сегодняшнем дне. Не об аварии – о том, что было до нее.

Утром, как обычно, я встала в половине седьмого, приготовила завтрак, разбудила Володю. Он сидел за столом, уткнувшись в планшет, механически жевал омлет и что-то быстро печатал. На мое «доброе утро», – ответил кивком, не поднимая глаз.

– Сегодня поздно вернусь, – сказал он, допивая кофе. – Важная встреча с инвесторами.

Я кивнула как всегда. Привычно. Покорно. А он уже натягивал пальто, проверял карманы, целовал меня в щеку – быстро, формально, как ставят галочку в списке дел.

– Не жди с ужином, – бросил на ходу. – Если что – буду в «Метрополе», президентский номер забронировал для переговоров.

И ушел, оставив после себя запах дорогого одеколона и ощущение пустоты.

А ведь раньше было по-другому. Раньше он обнимал меня по утрам, шептал что-то нежное на ухо, иногда опаздывал на работу, потому что не мог оторваться от поцелуев. Когда это закончилось? Когда я стала для него частью интерьера, необходимой, но незаметной?

Может быть, тогда, когда он стал директором завода? Или когда появилась эта новая сотрудница – как ее там... Анжела? Да, Анжела. Яркая, как реклама дорогой косметики, с хищной улыбкой и взглядом, который обещал мужчинам все тайны мира.

Я видела ее на корпоративе месяц назад. Она стояла рядом с Володей, смеялась над его шутками, которые дома он считал глупыми, и украдкой касалась его руки, когда подавала документы. А он... он светился от ее внимания, как подросток.

«Толковая девочка, – говорил он потом дома. – Далеко пойдет. У нее коммерческая жилка и... харизма».

Харизма. Я помню, как это слово резануло меня тогда. У меня, значит, харизмы нет? Двадцать три года брака, воспитание дочери, поддержка его карьеры – это не харизма?

Но сейчас, лежа на больничной койке и прокручивая в памяти наш утренний разговор по телефону, я понимала: дело не в харизме. Дело в том, что он просто разлюбил. Или, может быть, никогда и не любил по-настоящему? Может, я была удобным вариантом – тихая, покладистая, не создающая проблем?

Медсестра заглянула в палату – молодая, с усталыми глазами, но добрым лицом.

– Как дела? Боли сильные?

– Терпимо, – соврала я. Боль была адской, но не та, что от травмы. Та, что внутри, от понимания.

– Завтра операция, да? – она поправила мне капельницу. – Муж приедет?

Я хотела сказать «да», но слова не шли.

– Не знаю, – честно ответила я.

Она посмотрела на меня с сочувствием, но ничего не сказала. Наверное, в ее работе она видела всякое. И мужей, которые сбегают при первых проблемах тоже.

Когда она ушла, я снова закрыла глаза и попыталась представить завтрашний день. Операционная, наркоз, а потом... Потом – неизвестность. Смогу ли я ходить? Вернется ли чувствительность в ногах? И самое страшное – буду ли я нужна Володе, если стану инвалидом?

За окном дождь усилился, барабанил по стеклу, как пальцы нервного пианиста. Где-то там, в ночном городе, мой муж заканчивал свои важные переговоры или уже сидел в баре отеля, рассказывая коллегам анекдоты и потягивая виски. А может, не коллегам. Может, той самой Анжеле с харизмой.

А я лежу здесь, в больничной палате, пахнущей хлоркой и чужой болью, и понимаю: что бы ни случилось завтра на операционном столе, моя прежняя жизнь уже закончилась. Сегодня утром, когда он поцеловал меня в щеку, как галочку в списке дел, а потом ответил на мой звонок с раздражением.

Первый холод. Вот как это называется. Когда любовь умирает не сразу, а медленно, незаметно остывая, как чай в забытой чашке.

Я думала об Ольге, которая сейчас собирает вещи и покупает билет на первый утренний поезд. О том, что завтра, когда я буду приходить в себя после наркоза, рядом будет она, а не он. И это больно, но и правильно одновременно.

Потому что дочь любит меня такой, какая я есть. А муж... муж любил меня такой, какой я была удобна.

Разница огромная. И только сейчас, в больничной палате, под звуки дождя и чужих стонов, я это поняла.

Глава 2+

Морфий делал свое дело – боль отступала волнами, а сознание плыло где-то между явью и забытьем. Я то проваливалась в тяжелый сон, то всплывала на поверхность, ощущая себя словно в аквариуме, где все звуки приглушены, а свет преломляется странным образом.

В такие минуты, когда реальность становилась зыбкой, память выдавала мне картинки из прошлого – яркие, четкие, как кадры старого фильма. И почему-то все они были о Володе. О том Володе, которого я когда-то любила. Или думала, что любила.

Корпоратив в ресторане «Империал». Месяц назад. Я в новом синем платье – том самом, которое он вчера назвал «слишком простым». Тогда, выбирая его в магазине, я думала о том, как он подчеркивает цвет моих глаз. Как он восхищенно посмотрит на меня. Наивная дура.

Во сне-воспоминании я снова вхожу в зал ресторана, где гремит музыка и смеются сотрудники завода. Праздную какой-то очередной успех – подписанный контракт или выигранный тендер. Володя в центре внимания, как всегда. Он умеет подавать себя, умеет говорить так, что люди слушают, раскрыв рот.

А рядом с ним – она.

Анжела. Даже во сне это имя обжигает, как глоток кипятка.

Двадцать восемь лет, рыжие волосы до лопаток, фигура, которой позавидовала бы фото-модель. Платье – черное, обтягивающее, с вырезом, который балансирует на грани между элегантностью и вызовом. И улыбка. Боже, какая улыбка! Хищная, уверенная, полная обещаний.

Я помню, как она смотрела на моего мужа. Не украдкой, не стесняясь – открыто, словно заявляя права. А он... он светился от этого внимания, как мальчишка, получивший главную роль в школьном спектакле.

– Владимир Петрович, вы такой молодец! – ее голос был мелодичным, с легкой хрипотцой, которая мужчинам кажется сексуальной. – Этот проект просто гениален! Как вам удается так чувствовать рынок?

Володя расправил плечи, поправил галстук. Жест, который я знала наизусть – он так делал, когда чувствовал себя особенным.

– Опыт, Анжелочка, – ответил он, и я поморщилась от этого уменьшительного. Меня он уже лет пять называл только по имени. – И интуиция. Нужно чувствовать, что людям действительно нужно.

– Научите? – она положила руку ему на предплечье, и я видела, как он дрогнул от прикосновения. – Я так хочу учиться именно у вас.

А я стояла в трех метрах от них, с бокалом теплого шампанского в руке, и чувствовала себя невидимой. Женой, которую привели для галочки, чтобы все видели – какой он семейный, солидный человек.

– Светлана, – чей-то голос вырвал меня из наблюдений. Ирина, моя единственная подруга, появилась рядом как по волшебству. – Что ты тут делаешь в одиночестве?

Ира работала дизайнером в рекламном агентстве, которое иногда сотрудничало с заводом. Она была на три года младше меня, но казалась намного старше – может, из-за короткой стрижки и прямого взгляда, который не терпел фальши.

– Любуюсь, – ответила я, кивнув в сторону мужа и Анжелы. – Красивая пара, не правда ли?

Ирина проследила мой взгляд и поморщилась.

– Света, не будь душой, – сказала она тихо, но резко. – Эта стерва точит на него зуб уже месяца два. Неужели ты не видишь?

– Вижу, – призналась я. – Но что я могу сделать? Запретить ему общаться с коллегами?

– Можешь открыть глаза и перестать делать вид, что все в порядке, – Ирина взяла меня за руку. – Свет, я же вижу, как ты мучаешься. Он изменился. Даже слепой заметит.

Изменился. Да, это было точное слово.

Еще одна картинка всплыла в памяти – уже не корпоратив, а наша спальня. Неделью назад.

Володя пришел домой в половине второго ночи. Я лежала в постели, притворялась спящей, но слышала каждый его шаг. Он тихо прошел в ванную, долго стоял под душем – значительно дольше обычного. Когда лег рядом, от него пахло не только гелем для душа, но и чем-то еще. Чем-то сладким и цветочным. Женским.

– Как встреча? – спросила я в темноте.

– Нормально, – ответил он, отворачиваясь. – Устал. Давай завтра поговорим.

Но завтра он тоже не хотел говорить. И послезавтра. А я боялась спрашивать, боялась услышать правду, которая разрушит мою тщательно выстроенную иллюзию благополучия.

Следующий кадр – наша кухня, три дня назад.

Володя завтракал, как обычно, изучая планшет. Я поставила перед ним кофе и заметила, что он улыбается, читая что-то на экране.

– Что-то интересное? – спросила я, садясь рядом.

Он быстро выключил планшет и пожал плечами.

– Рабочая переписка. Ничего особенного.

Но я успела заметить, что это был не корпоративный мессенджер, а обычные SMS. И улыбка у него была не рабочая – довольная, почти счастливая. Такой я не видела уже давно. Во всяком случае, когда он смотрел на меня.

– Володя, – начала я осторожно, – может, съездим куда-нибудь на выходные? Давно не были вместе...

– Не могу, – отрезал он, даже не подняв глаз от тарелки. – В субботу встреча с поставщиками, в воскресенье нужно доработать презентацию.

– Но ведь раньше ты говорил, что работа не должна поглощать всю жизнь...

– Раньше у меня не было таких возможностей для роста, – его голос стал холодным. – Хочешь, чтобы я на всю жизнь оставался простым инженером?

Это было несправедливо, и он знал это. Именно я поддерживала его, когда он решил получить второе образование. Именно я брала на себя все домашние дела, когда он готовился к экзаменам. Именно я верила в него, когда он сомневался в себе.

– Я просто скучаю по нас, – тихо сказала я.

– По нас? – он, наконец, поднял глаза, и в них было что-то похожее на раздражение. – Света, мы взрослые люди. Не нужно постоянно висеть друг на друге, как влюбленные подростки.

Влюбленные подростки. Значит, то, что было между нами когда-то, он теперь считал подростковостью?

А ведь было время, когда он сам говорил, что не может без меня и дня прожить. Было время, когда он присылал мне романтические SMS просто так, среди рабочего дня. Было время, когда мы могли часами разговаривать обо всем на свете, лежа в постели по воскресным утрам.

Еще один осколок памяти – уже давний, двадцатилетней давности.

Я лежу в роддоме с новорожденной Олей на руках. Володя сидит рядом на стуле, и у него в глазах слезы. Настоящие слезы от счастья.

– Посмотри, какая красивая, – шепчет он, боясь разбудить дочку. – Точная копия мамы. Господи, как же я вас люблю. Обоих.

Он целует меня в лоб, в щеки, осторожно прикасается к крошечной ручке Оли.

– Я буду лучшим отцом в мире, – обещает он. – И лучшим мужем. Клянусь тебе, Света.

Клялся.

А потом что-то сломалось. Не сразу, постепенно. Сначала он стал меньше времени проводить дома – карьера, амбиции, стремление доказать всем, что он не просто инженер, а директор. Потом перестал замечать мои новые прически, новые платья, мои попытки сделать наши вечера особенными.

– Ты изменилась, – сказал он мне как-то, года три назад. – Стала слишком домашней. Раньше ты была... более интересной.

Более интересной. Я тогда не поняла, что он имел в виду. Теперь понимаю. Тогда я была загадкой, которую нужно было разгадать. Теперь я стала книгой, которую он прочитал до конца и отложил на полку.

А Анжела – новая книга. С яркой обложкой и интригующим сюжетом.

Последний осколок – самый болезненный. Позавчера, перед самой аварией.

Володя собирался на работу, как обычно, торопился. Я гладила ему рубашку – ту самую, белую, которую он больше всего любил. На воротничке заметила пятнышко помады. Совсем крошечное, едва заметное, но я увидела.

Розовая помада. А я пользуюсь только бежевой.

– Володя, – сказала я, показывая пятно, – тут помада. Наверное, кто-то случайно...

– Да? – он взглянул равнодушно. – Ну бывает. Отстирается.

Никакого смущения, никаких объяснений. Словно чужая помада на его рубашке была самой естественной вещью в мире.

А я стояла с утюгом в руках и чувствовала, как что-то окончательно ломается внутри. Не надежда – та умерла раньше. Ломались последние иллюзии о том, что он хотя бы пытается скрывать свою измену.

– Володя, – тихо позвала я его.

– М? – он пролистывал что-то в телефоне, не отвлекаясь.

– А помнишь, как мы познакомились?

Он поднял глаза, удивленный.

– Зачем ты об этом сейчас? Я опаздываю.

– Просто вспомнила. Ты тогда сказал, что я самая красивая девушка в университете.

– Сказал, – он пожал плечами. – Ну и что?

– Ничего, – ответила я. – Просто вспомнила.

Но он уже не слушал. Натягивал пиджак, проверял карманы, отправлял кому-то сообщение. А я смотрела на него и понимала: передо мной чужой человек. Человек, который когда-то называл меня самой красивой, а теперь не замечает чужую помаду на своем воротнике.

Морфий снова затягивал меня в глубину, но перед тем, как провалиться в сон, я вспомнила слова Ирины:

– Свет, я же вижу, как ты мучаешься. Он изменился. Даже слепой заметит.

Да, изменился. А может, просто показал свое настоящее лицо? То, которое прятал за словами о любви и обещаниями быть лучшим мужем в мире?

Я думала об Анжеле с ее хищной улыбкой и поняла: она не разрушила наш брак. Она просто забрала то, что уже не принадлежало мне. Володя сделал свой выбор давно, просто не удосужился мне об этом сообщить.

И теперь, лежа в больничной палате перед операцией, которая может изменить всю мою жизнь, я наконец это приняла.

Двадцать три года брака закончились не сегодня, когда он отвечал на мой звонок с раздражением. Они закончились тогда, когда он перестал видеть во мне женщину и начал видеть только функцию. Жену, которая гладит рубашки, готовит ужин и не задает лишних вопросов о чужой помаде на воротничке.

Но я больше не буду этой функцией.

*Что бы ни случилось завтра на операционном столе – я найду в себе силы начать заново.
Потому что я этого достойна.*

Сон, наконец, забрал меня, и в последнем полубредовом видении я увидела себя – не лежащей на больничной койке, а стоящей в полный рост, сильной и красивой. Той самой девушкой, которую когда-то называли самой красивой в университете.

Глава 3+

Я проснулась от звука каблуков в коридоре – торопливых, звонких. Таких, какими ходит моя Оля, когда волнуется. Сердце екнуло от радости, и я попыталась приподняться на локтях, чувствуя, как простреливает болью поясницу.

– Мам! – дверь распахнулась, и в палату ворвался вихрь из светлых кудрей, слез и запаха холодного питерского утра. Ольга бросила сумку на пол и осторожно обняла меня, стараясь не задеть капельницы и датчики. – Мам, как ты? Боже мой, какая ты бледная!

Я закрыла глаза, утопая в ее объятиях, вдыхая знакомый аромат шампуня и юности. Мой ребенок. Моя девочка, которая ради меня бросила все и помчалась в ночи.

– Оленька, – прошептала я, глядя ее по волосам. – Зачем приехала? У тебя же сессия...

– Мам, ты что! – она отстранилась, и я увидела ее заплаканные глаза, красный нос и растрепанные волосы. – Как ты вообще можешь такое говорить? Конечно, я приехала!

Ольга выглядела уставшей – наверное, всю дорогу не спала, волновалась. На ней был старый свитер, джинсы и те самые розовые кеды, которые она носила еще в школе. Никакого макияжа, никаких модных штучек – просто моя дочь, которая примчалась на помощь матери.

– Рассказывай все, – она придвинула стул поближе к кровати. – Что говорят врачи? Когда операция?

Я рассказала ей про диагноз, про риски, про то, что будет сегодня, через пару часов. Ольга слушала, крепко сжимая мою руку, и я видела, как она борется со слезами.

– Все будет хорошо, – сказала она, когда я закончила. – Обязательно будет. Ты же сильная, мам. Самая сильная женщина, которую я знаю.

Я хотела возразить, что сильные женщины не позволяют мужьям вытирать о себя ноги, но промолчала. Не время для таких разговоров.

– А где папа? – спросила Ольга, оглядываясь по палате, словно ожидая увидеть его в углу.

Я помедлила с ответом. Как объяснить дочери, что ее отец принял известие о моей аварии как досадную помеху в графике?

– Он... у него важные переговоры. Обещал приехать.

– Переговоры? – голос Ольги стал резким. – Мам, у тебя перелом позвоночника! Какие переговоры могут быть важнее?

– Оля, не надо, – попросила я. – Он работает на нашу семью...

– На какую семью? – она вскочила со стула, и в ее глазах загорелся огонь, который я хорошо знала. Ольга была покладистым ребенком, но когда дело касалось несправедливости, она становилась настоящей львицей. – Мам, когда он в последний раз интересовался, как дела у меня в университете? Когда последний раз помнил про твой день рождения без напоминаний?

Я молчала, потому что нечего было ответить. День рождения в прошлом году он действительно забыл. Вспомнил только вечером, когда увидел торт на столе, и небрежно сказал: «А, точно, поздравляю». Подарком стала банковская карта с суммой, которую он счел достаточной для самостоятельной покупки «чего-нибудь нужного».

– Ольга, он много работает...

– Мам, хватит его оправдывать! – она села обратно, взяла мои руки в свои. – Я же вижу, что происходит. Думаешь, я слепая? В последний год, когда приезжаю домой, он даже не спрашивает, как дела. Максимум – кивок головой и вопрос о стипендии. А ты... ты стала какой-то грустной. Потухшей.

Потухшей. Точное слово. Когда-то я горела – планами, мечтами, любовью к мужу. А потом огонь начал затухать, и я даже не заметила, когда остались только угольки.

– Оленька...

– И эта его работа, которая вдруг стала важнее семьи, – продолжала дочь. – Мам, когда я звонила тебе на прошлой неделе, ты плакала. Думаешь, я не слышала? А когда спросила, что случилось, ты сказала «устала». Но это была не усталость, правда?

Я молчала, не зная, что ответить. Да, я плакала тогда. После того как нашла в кармане его пиджака визитку ресторана с записью «стол на двоих, 20:00» его почерком. В тот день он сказал мне, что работает допоздна.

– Не говори так про папу, – слабо попросила я.

– А что говорить? – в голосе дочери была боль. – Мам, я тебя люблю. Ты лучшая мать в мире, ты всегда была рядом, всегда поддерживала. А он... он появляется в нашей жизни, когда ему удобно.

Дверь палаты скрипнула, и я обернулась, надеясь увидеть медсестру. Но в проеме стоял Володя.

Он выглядел усталым – мятый костюм, небритые щеки, красные глаза. В руках – не цветы, как я тайно надеялась, а коробка из какого-то дорогого магазина техники.

– Привет, – сказал он, неловко остановившись у порога. – Как дела?

Вопрос прозвучал так, словно он интересовался погодой.

– Папа, – Ольга поднялась со стула, и в ее голосе не было даже намека на радость. – Наконец-то.

– Ольга, ты здесь? – он удивился, словно присутствие дочери у постели больной матери было чем-то неожиданным. – А учеба?

– Мама важнее, – отрезала она.

Володя поморщился, словно эти слова его задели, и подошел к кровати.

– Ну как ты? – спросил он, и я услышала в его голосе что-то новое. Не заботу – скорее неловкость человека, который понимает, что должен проявить участие, но не знает, как это делается.

– Через пару часов операция, – ответила я.

– Да, я знаю. Говорил с врачом. – Он поставил коробку на тумбочку. – Вот, принес тебе планшет. Последняя модель. Говорят, очень удобный. Будешь лежать – сможешь книги читать, фильмы смотреть.

Планшет. Вместо цветов, вместо слов поддержки, вместо простого «все будет хорошо» – планшет.

– Спасибо, – сказала я автоматически.

– Да не за что. – Он пожал плечами, словно купил мне пачку аспирина. – Только представляешь, во что мне эта история обойдется? Операция, реабилитация... Хорошо, что у нас медстраховка есть, а то разорились бы.

Молчание в палате стало таким плотным, что его можно было резать ножом. Я смотрела на мужа и не узнавала. Где тот человек, который двадцать три года назад, делая мне предложение, клялся, что будет со мной в горе и в радости? Где тот Володя, который плакал от счастья, держа на руках новорожденную Олю?

– Папа, – голос дочери был ледяным. – Ты серьезно сейчас жалуешься на расходы? При маме, которая идет на операцию?

– Я не жалуясь, – огрызнулся он. – Я констатирую факт. Думаешь, деньги сами с неба падают? Кто-то должен работать, чтобы все это оплачивать.

– Мама тоже работает!

– Ее зарплата – это копейки по сравнению с моими доходами. Так что давайте без популизма.

Вот оно. То самое презрение к моему труду, которое он так тщательно скрывал все эти годы. «Твоя зарплата – это карманные расходы, серьезные деньги зарабатываю я». Сколько раз я это слышала в последние годы?

– Володя, – тихо сказала я, – может, не стоит...

– Что не стоит? – он повернулся ко мне, и в его глазах была злость. – Говорить правду? Света, я отменил важнейшую встречу с инвесторами, чтобы приехать к тебе. Проект, над которым работал полгода, может сорваться. Но я здесь, да?

Да, он был здесь. Физически. Но душой, сердцем он был совсем в другом месте.

– Как трогательно, – сказала Ольга, и сарказм в ее голосе мог бы резать сталь. – Папа пожертвовал встречей ради жены, которая лежит в больнице.

– Оля! – воскликнула я.

– Что, Оля? – дочь обернулась ко мне. – Mam, хватит его оправдывать! Посмотри на него! Он стоит здесь и жалуется на расходы, вместо того чтобы поддержать тебя!

– Я не жалею, – проворчал Володя. – Просто говорю как есть.

– Как есть? – Ольга встала и подошла к отцу вплотную. – А как есть – это то, что ты уже месяца два возвращаешься домой под утро? Это то, что у тебя в машине лежит женская заколка, которая точно не мамина? Это то, что ты получаешь сообщения в час ночи и улыбаешься, как идиот?

Я почувствовала, как кровь отливает от лица. Ольга знала про измену. Моя двадцатилетняя дочь знала то, что я боялась себе признать.

Володя покраснел, потом побледнел.

– Это... это глупости, – пробормотал он. – Не знаю, о чем ты...

– Папа, – голос Ольги стал тихим, но в нем звучала такая боль, что у меня сжалось сердце. – Мне двадцать лет. Я не ребенок. И я не слепая.

Он молчал, глядя в пол. А я лежала на больничной койке и смотрела на развалины своей семьи. На мужа, который не мог даже отрицать измену. На дочь, которая защищала меня от собственного отца.

– Знаешь что, – сказал Володя наконец, натягивая на лицо маску оскорбленного благородства, – я не собираюсь выслушивать обвинения в измене от двадцатилетней девчонки. Особенно здесь.

– Тогда опровергни их, – тихо сказала Ольга.

Молчание.

– Не можешь? – продолжала дочь. – Тогда просто уйди. Мама и без тебя справится. Как всегда.

– Ольга, хватит! – взорвался он. – Ты забываешь, с кем разговариваешь!

– Нет, папа. Это ты забыл, с кем живешь. – Она подошла к двери и распахнула ее. – Уходи. Тебе здесь не место.

Володя посмотрел на меня, словно ожидая, что я заступлюсь за него, попрошу дочь извиниться. Но я молчала. Потому что Ольга была права. Во всем.

– Хорошо, – сказал он через минуту. – Раз я здесь не нужен...

– Не нужен, – подтвердила Ольга.

Он направился к двери, остановился, обернулся.

– Света, завтра я постараюсь приехать. Если смогу.

И ушел, так и не сказав «все будет хорошо», «я люблю тебя» или просто «держись». Ушел, оставив дорогой планшет как отступные за двадцать три года брака.

Ольга закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. По ее щекам текли слезы.

– Прости, мам, – прошептала она. – Я не хотела устраивать скандал. Но я больше не могу смотреть, как он с тобой обращается.

Я протянула руки, и дочь бросилась ко мне, уткнувшись лицом в мое плечо.

– Все в порядке, солнышко, – гладила я ее волосы. – Все правильно. Спасибо тебе.

– За что?

– За то, что защитила меня. За то, что сказала правду.

Мы сидели в обнимку, моя взрослая дочь и я, и плакали. Она – от боли за меня. А я – от облегчения. Потому что наконец-то кто-то сказал вслух то, что я боялась произнести даже мысленно.

Мой брак кончился. И я больше не буду делать вид, что все в порядке.

За окном начинало темнеть, а в палате становилось тихо и спокойно. Скоро будет операция, неизвестность, страх. Но сейчас, впервые за много месяцев, я чувствовала себя не одинокой.

Глава 4+

Девять недель. Четыре недели в больнице после операции, пять недель в реабилитационном центре. Девять недель, когда я училась делать первые шаги, не падать от головокружения. Девять недель, когда мой мир сузился до размеров больничных палат, а главной победой было дойти до туалета без посторонней помощи.

Операция прошла успешно – врачи сумели стабилизировать поврежденные позвонки, и риск серьезных осложнений миновал. Но полное восстановление потребовало времени, терпения и ежедневной работы над собой. Сначала я лежала неподвижно, потом сидела, потом делала первые робкие шаги с ходунками. Каждый день – маленькая победа над болью и страхом. Теперь предстояло продолжить восстановление дома – с ежедневными упражнениями, регулярными визитами к физиотерапевту и постепенным возвращением к обычной жизни.

Ольга приезжала каждые выходные. Привозила домашнюю еду, смешные истории из университета и главное – любовь, которая грела лучше любых лекарств.

Володя появлялся редко. Раз в неделю, максимум – раз в пять дней, всегда с тем же оправданием: «Дела на заводе, важные переговоры, не могу оставить всё». Приходил на десять минут, приносил дорогие фрукты из элитного магазина, спрашивал о самочувствии тоном человека, выполняющего неприятную, но необходимую обязанность.

– Как дела? – спрашивал он, косясь на часы.

– Лучше, – отвечала я. – Сегодня прошла почти сто метров без посторонней помощи.

– Молодец, – говорил он рассеянно, уже листая что-то в телефоне. – Значит, скоро домой.

Домой. Это слово звучало в его устах как приговор. Не «скоро будешь дома», не «я соскучился», а просто констатация факта – скоро его обязанности по посещению больной жены закончатся.

Но сегодня всё это осталось позади. Сегодня я наконец возвращалась домой.

Ирина встретила меня у выхода из реабилитационного центра, как и обещала. Она выглядела такой же энергичной и прямолинейной, как всегда, но в ее глазах читалось что-то новое – осторожность, почти жалость.

– Светочка! – она осторожно обняла меня, стараясь не потревожить еще не окрепшую спину. – Боже, как же хорошо видеть тебя на ногах!

– Ира, спасибо, что приехала, – я улыбнулась, поправляя трость в руке. – Не хотела беспокоить Олю, у нее экзамен сегодня.

– Да что ты! – Ирина взяла мою сумку. – Конечно, встречу. Машина вон там стоит.

Мы медленно шли к парковке, и я чувствовала, как непривычно после долгого заточения дышать свежим воздухом, видеть небо над головой, слышать городской шум. Простые вещи, которые здоровые люди принимают как должное.

– Ира, – сказала я, садясь в машину, – спасибо тебе. За всё. За поддержку, за визиты...

– Света, не надо, – она завела мотор. – Мы же подруги. Настоящие подруги всегда рядом. Настоящие подруги. В отличие от некоторых мужей.

Дорога домой заняла полчаса, и всё это время Ирина развлекала меня новостями – рассказывала о работе, о новых проектах в агентстве, о смешных случаях с клиентами. Я слушала и понимала: она специально избегает вопросов о Володе, о нашем браке, о том, что будет дальше. Деликатность настоящего друга.

Наш дом – девятиэтажка в тихом районе – встретил меня серыми окнами и знакомым двором с детской площадкой. Сколько лет я здесь прожила? Пятнадцать? Нет, шестнадцать. Здесь росла Оля, здесь мы с Володей обустроивали наш быт, строили планы на будущее.

– Доехали, – сказала Ирина, глуша мотор. – Как ощущения?

– Странные, – честно ответила я. – Словно возвращаюсь в чужое место.

Подъем на четвертый этаж дался мне тяжело, несмотря на лифт. Ноги всё еще были слабыми, спина ныла от непривычной нагрузки, а трость то и дело соскальзывала на мокром после уборки полу. У двери квартиры я остановилась, переводя дыхание, и Ирина участливо взяла меня под руку.

– Давай помогу, – предложила она.

Я достала ключи – те же самые, с брелоком в виде совы, который подарила мне Оля на день рождения. Повернула в замке, толкнула дверь...

И ощутила холод. Не физический – в квартире было тепло. Эмоциональный холод пустоты и заброшенности.

– Володя? – позвала я, хотя машины его во дворе не было. – Володя, я дома!

Молчание.

Мы прошли в прихожую, и я сразу заметила: его куртки нет на вешалке. Ботинок тоже. Только мои пальто висят одиноко, как напоминание о том, кто здесь действительно живет.

– Света, – осторожно сказала Ирина, – может, он на работе?

– Может быть, – ответила я, но сердце уже сжалось в предчувствии.

Мы прошли в гостиную. Всё было чисто, прибрано, как в тот день... еще до аварии. Но что-то было не так. Не хватало каких-то деталей, мелочей, которые делают дом домом.

Я заглянула в спальню и сразу поняла.

Его прикроватная тумбочка была пуста. Ни книг, ни зарядки от телефона, ни очков для чтения, которые он надевал перед сном. Половина кровати выглядела нетронутой, словно на ней никто не спал уже давно.

Дрожащими руками я открыла его шкаф.

Пусто.

Идеально, стерильно пусто. Ни рубашек, ни костюмов, ни галстуков. Даже запаха его одеколona не осталось. Только пустые плечики качались на штанге, как призраки ушедшей жизни.

– Ира, – позвала я, и голос мой прозвучал странно – тихо и хрипло.

Она тут же появилась в дверях спальни, взглянула на открытый шкаф и выругалась сквозь зубы.

– Сволочь, – сказала она тихо, но с такой злостью, что я вздрогнула. – Подонок чертов.

Я опустилась на край кровати, чувствуя, как подкашиваются ноги. Не от слабости после болезни – от шока, от понимания того, что произошло.

Он ушел. Просто собрал вещи и ушел, не сказав ни слова. Пока я лежала в больнице, боролась с болью и училась заново ходить, он освободил наш дом от своего присутствия.

– Может, записка есть? – предположила Ирина, заглядывая в ящики комода. – Письмо какое-нибудь?

Мы обыскали всю квартиру. Кухню, где не хватало его любимой кружки с логотипом завода. Ванную, где исчезли его бритва, зубная щетка, шампунь. Кабинет, где пустой стол зиял черным экраном выключенного компьютера.

Никаких записок. Никаких объяснений. Он просто исчез из моей жизни, как будто его и не было.

– Свет, – Ирина села рядом со мной на диван, – ты как?

Как? Я не знала, как я. Больно? Да. Страшно? Безусловно. Но почему-то не удивительно. Словно я подсознательно готовилась к этому весь последний год.

– Ира, – сказала я медленно, – а ты знала?

– О чем?

– О том, что он уйдет.

Она помолчала, и по ее лицу я поняла – знала. Или догадывалась.

– Света, я... В последние недели, когда ты была в больнице, ходили слухи. Говорили, что он снял квартиру в центре. Дорогую. Для себя и... для кого-то еще.

Для Анжелы. Конечно, для Анжелы. Пока его жена лежала в больнице, он обустроивал любовное гнездышко с молодой любовницей.

– Почему не сказала?

– Зачем? – Ирина взяла мою руку. – Ты и так через многое проходила. Я думала... надеялась, что слухи неправда.

Но это была правда. Пустой шкаф, исчезнувшие вещи, мертвая тишина в квартире – всё это была правда.

Я встала и подошла к окну. Во дворе дети играли в песочнице, их смех доносился сквозь стекло. Обычная жизнь продолжалась, а моя рухнула окончательно.

Телефон зазвонил, и я вздрогнула. На экране высветился номер Володи.

– Алло? – сказала я, и даже удивилась твердости собственного голоса.

– Света, ты дома? – голос мужа звучал натянуто, неестественно.

– Да. А твоих вещей здесь нет.

Пауза.

– Слушай, мне нужно было... у меня сейчас сложный период на работе, много командировок. Снял квартиру поближе к заводу, чтобы не мотаться...

Ложь. Такая очевидная, жалкая ложь, что мне стало почти смешно.

– Володя, – перебила я его, – хватит. Просто скажи прямо.

– Что сказать?

– То, что ты хочешь сказать. То, что ты, видимо, не решался сказать все эти недели.

Еще одна пауза, дольше предыдущей.

– Света, я... Мне нужно время. Подумать. Всё слишком сложно стало.

– Время на что?

– На то, чтобы понять, что мы хотим. Оба. От этого брака, от жизни... Ты изменилась после аварии. Стала другой.

Я изменилась? Я стала другой? Человек, который бросил больную жену, говорит мне, что я изменилась?

– А ты не изменился? – спросила я.

– Я всегда был честен с тобой.

– Честен? – Я рассмеялась, и смех прозвучал как хрипение. – Володя, ты снимаешь квартиру с другой женщиной и говоришь мне о честности?

Тишина на том конце провода стала такой долгой, что я подумала – связь прервалась.

– Откуда ты знаешь? – наконец спросил он, и в голосе его была не вина, а раздражение. Раздражение тем, что его поймали.

– Неважно. Важно то, что ты трус, Володя. Ты не смог сказать мне в лицо, что любишь другую. Предпочел сбежать, пока я лежала в больнице.

– Света, всё не так просто...

– Нет, – сказала я твердо. – Всё именно так просто. Ты сделал выбор. И я тоже сделаю.

Я положила трубку, не дослушав его ответ.

Ирина смотрела на меня с восхищением.

– Света, ты была потрясающей, – сказала она. – Я бы его тысячью способами обложила, а ты – как королева.

Королева. Может быть. Королева разрушенного королевства, но всё же королева.

– Ира, останься со мной сегодня? – попросила я. – Не хочу быть одна в первую ночь.

– Конечно, дорогая. Конечно.

Мы сидели на диване, пили чай и смотрели в окно на заходящее солнце. Я думала о том, что завтра начнется новая жизнь. Страшная, неизвестная, но моя.

Глава 5+

Ночь прошла скверно. Я лежала в нашей – теперь уже только моей – кровати и слушала незнакомые звуки. Когда живешь с человеком двадцать два года, привыкаешь к его дыханию рядом, к тому, как он ворочается во сне, похрапывает, встает в туалет. Тишина рядом ощущалась как провал, как отсутствие части себя.

Ближе к утру меня накрыло. Не боль в спине, не физическая слабость – паника. Внезапная, удушающая, иррациональная. Что если я никому больше не нужна? Что если Володя был прав, и я действительно стала обузой, неинтересной, старой? Что если Ольга тоже когда-нибудь устанет от больной матери и найдет более важные дела?

Я сидела на краю кровати в пять утра, обнимала себя руками и пыталась дышать ровно. За окном начинался серый декабрьский день, и мне казалось, что весь мир стал черно-белым, как старая фотография.

– Света? – в дверях появилась растрепанная Ирина в моей старой пижаме. – Что-то случилось?

– Не могу спать, – призналась я. – Думаю всякую ерунду.

Она села рядом, обняла меня за плечи.

– Какую ерунду?

– О том, что я никому не нужна. Что он был прав, когда ушел. Что я правда стала... неинтересной.

– Свет, – Ирина повернула меня к себе лицом, – посмотри на меня. Ты самая интересная, умная и сильная женщина, которую я знаю. Если этот кретин не сумел этого разглядеть – значит, он слепой. И это его проблема, а не твоя.

– Но Ира...

– Никаких «но». – Она встала и решительно направилась к окну, распахнула шторы. – Хватит жалеть себя. Да, было больно. Да, было страшно. Но ты выжила, ты встала на ноги, и ты свободна. Свободна от человека, который не ценил тебя. Разве это не повод для радости?

Радости. Странное слово в моей нынешней ситуации. Но в чем-то Ирина была права. Впервые за много лет мне не нужно было подстраиваться под чужое настроение, думать о том, понравится ли ужин, не буду ли я мешать важным делам своими просьбами провести вечер вместе.

– Кофе будешь? – спросила Ирина.

– Буду.

Мы пили кофе на кухне, и я чувствовала, как постепенно возвращается какое-то подобие нормальности. Ирина рассказывала смешные истории о своих клиентах, и я даже несколько раз улыбнулась.

– Знаешь, – сказала она, намазывая масло на хлеб, – я всегда думала, что вы с Володей неподходящая пара.

– Почему?

– Он эгоист. А ты – нет. Он думает только о себе, а ты всю жизнь думала о других. Ты заслуживаешь большего.

Заслуживаю большего. Когда в последний раз кто-то говорил мне подобное?

В половине девятого зазвонил телефон. Я взглянула на экран и увидела знакомый номер. Сердце сжалось, а потом забилось так, что в висках застучало.

– Володя, – прошептала я.

– Отвечай, – кивнула Ирина. – Пора поговорить по-взрослому.

Я нажала на зеленую кнопку.

– Алло.

– Света, это я. – Голос мужа звучал странно – не виновато, как я ожидала, а почти... раздраженно? – Нам нужно поговорить.

– Да, нужно, – согласилась я, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Теперь ты можешь объяснить, почему забрал все вещи, не сказав ни слова?

– Слушай, давай без истерик, хорошо? – Его тон стал еще более холодным. – Я взрослый человек, имею право жить где хочу.

Право жить где хочет. Двадцать два года брака, и он говорит о правах.

– Володя, мы женаты. У нас есть дочь. Нельзя просто исчезнуть, как будто нас не существует.

– Никто не исчезал. Я же звоню, разговариваю.

За его спиной раздался женский смех. Легкий, звонкий, молодой. И потом голос, который я узнала сразу:

– Котик, кофе готов!

Котик. То самое слово, которое он запрещал мне произносить. «Мне тридцать семь, а не семнадцать», говорил он. А теперь ему сорок пять, и он – котик для двадцативосьмилетней Анжелы.

Тишина затянулась. Я слышала, как он отходит от телефона, что-то шепчет, вероятно, просит Анжелу не шуметь. Как неловко, наверное – разговаривать с брошенной женой в присутствии новой пассии.

– Света, ты там? – вернулся он к телефону.

– Да, – сказала я тихо. – Я здесь. А ты, кажется, совсем в другом месте.

– О чем ты?

– Анжела рядом, да?

Пауза. Долгая, красноречивая пауза.

– Света, давай говорить прямо, – наконец произнес он, и в голосе появились нотки того самого делового тона, которым он разговаривал с поставщиками. – Мы оба взрослые люди. Наш брак давно трещит по швам. Авария просто... ускорила процесс.

Ускорила процесс. Мой перелом позвоночника ускорил процесс развала его семьи.

– Володя, – сказала я, чувствуя, как внутри что-то ломается окончательно, – ты говоришь так, словно я виновата в том, что сломала спину.

– Я этого не говорил.

– Говорил. Ты сказал, что я изменилась после аварии. Что стала другой.

– Ну и стала! – впервые в голосе появились эмоции, правда, не те, которых я ожидала. Не вина, а злость. – Ты стала... тяжелой. Депрессивной. Постоянно ноешь, жалуешься...

– Я восстанавливалась после операции на позвоночнике!

– Дело не только в операции, – отрезал он. – Ты и до аварии была... как бы это сказать... скучной. Домашней. У тебя нет амбиций, интересов. Ты как... как мебель. Привычная, но незаметная.

Мебель. Он сравнил меня с мебелью.

Ирина, которая слышала весь разговор, вскочила со стула и показала в сторону телефона неприличный жест. На ее лице была такая ярость, что я почти улыбнулась.

– А Анжела не мебель? – спросила я.

– Анжела... она другая. Яркая, амбициозная. У нее есть цели в жизни, планы. С ней интересно.

Интересно. Двадцать два года брака оказались неинтересными.

– Понятно, – сказала я. – И что ты предлагаешь?

– Развод, – ответил он без колебаний. – Цивилизованный, без скандалов. Ты оставляешь себе квартиру, я не претендую на алименты...

– Не претендуешь на алименты? – я рассмеялась, и смех прозвучал истерично. – Володя, это я должна претендовать на алименты с тебя, а не наоборот.

– Ну да, конечно. Я имел в виду... в общем, мы разойдемся по-хорошему. Как взрослые люди.

По-хорошему. Он бросает больную жену ради молодой любовницы и хочет разойтись по-хорошему.

– А дочь? – спросила я. – Ты с ней говорил?

– Пока нет. Думал, ты расскажешь.

Конечно. Объяснить Ольге, почему ее отец предпочел чужую задницу родной семье, тоже должна была я.

– Володя, – сказала я медленно, – ответь мне честно. Как долго ты с ней?

– Это важно?

– Для меня – да.

Он помолчал.

– Несколько месяцев.

– Сколько именно?

– Света, зачем эти подробности?

– Сколько, Володя?

– Четыре месяца, – выдавил он наконец.

Четыре месяца. Значит, когда я готовилась к нашей годовщине свадьбы, покупала ему подарок, планировала романтический ужин, он уже спал с другой. Когда я волновалась о его здоровье, потому что он стал часто задерживаться на работе, он обустроивал любовное гнездышко.

– Света, я не хотел, чтобы ты узнала вот так, – продолжал он. – Хотел сказать сам, но...

– Но?

– Но ты попала в аварию. Не мог же я бросить тебя в больнице.

Как благородно. Не мог бросить жену в больнице, зато мог трахать любовницу, пока жена лежала под капельницей.

– То есть если бы не авария, ты бы ушел раньше?

– Возможно.

Возможно. Даже в этом он не мог быть честным до конца.

– Понятно, – сказала я. – Володя, а ты любишь ее?

Вопрос повис в воздухе. За спиной снова раздался голос Анжелы:

– Котик, ты долго? У нас встреча в десять.

У них встреча. В десять утра, пока бывшая жена сидит дома с костылем и разбирается с обломками разрушенной жизни, у них деловая встреча.

– Да, – ответил он тихо. – Люблю.

Вот и всё. Двадцать два года брака, дочь, общие планы, мечты – всё это перечеркнуто тремя словами: «Да, люблю».

– Тогда удачи вам, – сказала я и почувствовала странное облегчение.

– Света...

– Что?

– Я... прости. Не хотел, чтобы так получилось.

– Знаешь, Володя, а я не прощу. – Голос мой звучал удивительно спокойно. – Не прощу не измену – люди иногда влюбляются в других. Не прощу трусость. То, что ты не смог сказать правду в лицо. То, что заставил меня самой догадываться. То, что исчез, как вор в ночи, оставив пустые шкафы вместо объяснений.

– Света, я понимаю, ты злишься...

– Я не злюсь, – перебила его. – Я просто больше не хочу тебя знать. Документы о разводе пришли мне адвокатом. А сейчас иди к своей Анжеле. И больше не звони.

Я положила трубку и выключила телефон.

Ирина смотрела на меня с восхищением.

– Света, ты была потрясающей, – сказала она. – Прямо королева!

– Королева помойки, – мрачно ответила я.

– Нет. Просто королева. Он этого не заслуживал – ни твоих лет, ни твоей любви, ни твоих слез. А ты наконец это поняла.

Я встала и подошла к окну. Во дворе женщина выгуливала собаку, дети бежали в школу с рюкзаками, мужчина чистил снег с машины. Обычная жизнь, которая продолжалась, несмотря на то, что моя рухнула.

Но впервые за долгое время я не чувствовала себя жертвой. Я чувствовала себя... свободной? Да, пожалуй, свободной.

Свободной от необходимости оправдывать чужие ожидания.

Свободной от человека, который считал меня мебелью.

Свободной начать новую жизнь.

И это было страшно, но и... воодушевляюще.

Телефон зазвонил снова, но теперь это была Ольга.

– Мам, как дела? Как первая ночь дома?

– Оль, – сказала я, – у нас с папой серьезный разговор был. Мне нужно тебе кое-что рассказать.

Глава 6+

Разговор с Олей длился почти час. Сначала – молчание, когда я рассказала ей о звонке отца, о том, что он живет с Анжелой уже четыре месяца, о том, что хочет развод. Потом – слезы. Не истерика, а тихие, горькие слезы разочарования.

– Мам, мне так жаль, – шептала она в трубку. – Так жаль, что ты через это проходишь. И так стыдно за него.

– Оленька, не надо стыдиться. Это не твоя вина.

– Но он же мой отец! Как он мог? Как можно быть таким... таким подлецом?

Я не знала, что ответить. Как объяснить двадцатилетней девочке, что люди меняются? Что тот папа, который читал ей сказки на ночь и учил кататься на велосипеде, и этот мужчина, который называет жену мебелью, – один и тот же человек?

– Мама, я приеду, – сказала дочь решительно. – Сегодня же. Не могу оставить тебя одну в такой ситуации.

– Не надо, солнышко. У тебя сессия, экзамены...

– К черту экзамены! – воскликнула она, и я услышала в ее голосе ту же непримиримость, с которой она выгоняла отца из больничной палаты. – Мам, ты важнее любых экзаменов. Я буду вечером.

После разговора с дочерью я почувствовала себя немного лучше. Не одинокой. У меня есть Ольга, есть Ирина. Этого достаточно, чтобы не сломаться.

Ирина уехала на работу около полудня, пообещав заскочить вечером. Я осталась одна в тишине квартиры, которая теперь казалась одновременно слишком большой и слишком маленькой. Слишком большой – потому что пустой. Слишком маленькой – потому что полной воспоминаний.

Решила заняться делами. Во-первых, нужно было заказать специальную ортопедическую кровать – врач настаивал, что обычная слишком мягкая для моей спины. Во-вторых, записаться к физиотерапевту на следующую неделю. Мелочи, но они помогали не думать о главном.

Я нашла в интернете медицинский магазин, выбрала подходящую модель кровати. Цена кусалась – восемьдесят тысяч рублей, но здоровье дороже. Добавила в корзину, перешла к оплате, ввела данные нашей – теперь уже моей – банковской карты.

«Операция отклонена. Недостаточно средств на счете».

Я уставилась на экран, не понимая. На карте должно было быть больше трехсот тысяч – наши общие накопления плюс моя зарплата за последние месяцы.

Сердце начало колотиться с неприятной частотой. Дрожащими пальцами я зашла в мобильное приложение банка, ввела пароль.

Баланс: 1 247 рублей.

Я смотрела на цифры и не верила глазам. Тысяча двести сорок семь рублей вместо трехсот тысяч. История операций показывала массу переводов на незнакомые счета, все – в период моего пребывания в больнице. Последний перевод был сделан вчера, уже после моего возвращения домой. Тридцать тысяч на счет с пометкой «В. П. Кузнецов» – фамилия Володи.

Он обнулил наш общий счет. Пока я лежала в больнице и училась заново ходить, он методично выкачивал деньги, оставив мне сумму, на которую не прожить и недели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.